

*Время не лечит раны;
Оно лишь прижигает рубцы*

ОДИН

Чикаго — ад, и в аду сегодня дьявольски холодно. Бонер снимает колпачок с серебристого жирного маркера. ОТРЯД СМЕРТЬ ПАНКАМ БОНЕР А#1 — выводит он на окне электрички, перекрывая другие надписи.

Бездомная, лишь отдаленно напоминающая женщину, в ужасе смотрит на него из дальнего конца вагона. Глаза похожи на черные влажные зерна, тело — моток из шарфов и дырявого тряпья, найденного на помойке. Она впопыхах собирает свои пакеты и шуршит в направлении двери, пока пишущий на окнах парень не заметил ее и не сделал что-нибудь. Ей с трудом удастся повернуть ручку двери между вагонами, при этом удерживая мусорные пожитки: в электричках ничего не работает, как надо.

Бонер делает замысловатую подпись. Его отличительный знак. Новые вагоны отделаны антивандальным японским алюминием. С его поверхности без проблем смываются чернила, краска, да почти всё. Перехитрить прогресс — это всегда весело.

Он уже выкинул из головы бомжиху. Она не представляет ни материального, ни спортивного интереса.

Как алкаш, валяющийся в своей блевотине. Ни барахла, ни бабла. Бонер чувствует запах соляной кислоты и переваренной зеленой фасоли. Рвота смешивается с черной слякотью, размазанной по полу вагона. Довольно сложно не поскользнуться.

Никто не ездит на поздних электричках, если можно этого избежать.

Вагон за вагоном поезд поворачивает на перекрестке, отряхивая с себя хлопья снега. Бонеру кажется, что он слышит, как щелкает электричество. Флуоресцентные лампы позволяют ему привести себя в порядок. Он всматривается в собственное отражение сквозь «пшелнах», кодовые названия банд и паутины трещин на поверхности окна. Снимает темные очки и надувает пузырь из жвачки.

Изможденный, тощий, с огромными аквамаринowymi глазами с красной окантовкой — особенность, которая всегда поражает окружающих, привыкших к тому, что у ниггеров темные глаза. На голове — короткий ежик неопределенного цвета. Сквозь него на затылке проглядывают два параллельных шрама в форме полумесяца — сувениры на память о пережитом детстве. Тонкие запястья, длинные пальцы, короткие ногти. Только на мизинцах длинные, закругленные на концах. Кадык размером с шарик для гольфа. Несмотря на слои одежды, видно, что он долговяз, а его длинные усы говорят о том, что он еще не очень старый. Между передних зубов — три небольших отверстия. Улыбка Бонера — неприятное зрелище. Но он редко улыбается в поисках добычи.

Губу, разбитую в драке, пощипывает. Он не может ухмыляться, поэтому сохраняет нейтральное и застывшее выражение на лице. И горе тому, кто не заметит, зол он или взбешен. Сегодня на нем солдатские ботинки с красными шнурками и жилет Levi's поверх байкерской куртки с треугольником из зеленой кожи на спине. Заклепки и цепи удерживают конструкцию. Он позвякивает при ходьбе, как оцелот с колокольчиком. Держись подальше — или будет больно. На фабричной джинсе написан загадочный девиз: КИСКАУБИЙЦА D.R.I ГРОЗА ОБДОЛЫШЕЙ. Никто не приближается, чтобы его прочесть.

Репутация Бонера хуже плохой.

Он ухмыляется своему отражению и сразу морщится от боли. Алая капля выступает из бордового струпа на нижней губе. На руках — перчатки без пальцев, так что он трогает ее голой кожей, щурясь, словно пытаясь разглядеть кровь. Затем проводит кончиком пальца по языку.

Мир вокруг состоит из черных царапин рельсов; темной снежной жижи, воняющей жжеными крышками; ветра, воющего с озера Мичиган и снижающего температуру до минус двадцати или ниже; ярких вспышек третьего рельса в ночи и алкаша в отключке, лежащего в трясине своей блевоты. По мнению Бонера, Чикаго — классное место.

Он достает трубку для курения гашиша и зажигает комочек в медной емкости. Делает полный вдох и наполняет легкие густым дымом. Глаза пощипывает, по мозгу разливается чувство облегчения.

Курибельные, ширябельные, вдыхабельные — Бонер настоящий знаток благодаря участию в торговле. Он продает лучшее, только лучшее и всегда лучшее,

потому что у него есть связи, репутация и скрытность. Тебе хреново? Если не знаешь Бонера, ты ни черта не знаешь. Он улыбается при этой мысли, на сей раз осторожнее. Губа не закровоточила. А холод помогает притупить боль.

Электричка громыхает мимо обледенелой таблички с названием района. От нее отражается свет. Только местные знают, что на ней написано ОКВУД и количество жителей, устаревшее на десять лет. Бонеру известно об Оквуде лишь то, что в этом зеленом пригороде живут трудоголики, которые тянут лямку с девяти до пяти в небоскребах, торчащих в центре города. Здесь старые дома. Многие построены Фрэнком Ллойдом Райтом¹. Бульвары и милые названия, дарующие чувство стабильности на рубеже веков. Слишком много церквей и слишком мало баров. Вообще-то, в Оквуде действует сухой закон. Это значит, что в местных магазинах не купить ничего, крепче пива. Бонеру кажется, что полки с напитками в холодильнике супермаркета напоминают смешного калеку. На карте Оквуд выглядит как мертвый прямоугольник, заполненный дорогóй недвижимостью и очерченный барами, алкогольными магазинами, ночными клубами. Его границей в буквальном смысле является разделительная полоса опоясывающих улиц. Право пить начинается и заканчивается на двойной желтой линии. Бонера это очень смешит. Как и всех местных владельцев магазинов с лицензией на продажу спиртного.

---

¹ *Фрэнк Ллойд Райт* (1867—1959) — американский архитектор, родоначальник американской жилой архитектуры XX века. Здесь и далее — примечания переводчика.

Но кто-то должен работать в местном магазине, и собирать мусор богачей, и служить подтверждением привилегированного положения, поэтому железнодорожные пути на Стейт-стрит являются еще одной разделительной линией Оквуда. На юге, с другой стороны от железной дороги, естественно, находится судомойня этого богатого дома. В каждом районе, независимо от престижа, есть квартал с дешевой арендой. И в Оквуде есть — это Гаррисон-стрит.

Бонер живет на Гаррисон-стрит. Это значит, что школа Оквуда — главный источник его дохода — находится в зоне досягаемости. Бизнес идет хорошо.

Он выпускает облако едкого дыма и решает врезать алкашу. Все равно скоро выходить. Быстрый смешок на прощание. Два шага — и он впечатывает ботинок пьянице в живот. Да. Тот издает тяжелый вздох. *Уфффф*. Желчь пузырится из его вялого рта. В прохладном воздухе вагона от нее поднимается пар. Еще жив. «Чудеса», — думает Бонер.

Он пишет «СЪЕШЬ МЕНЯ» на лбу своей жертвы серебряным маркером и осторожно отходит, стараясь не запачкать ботинки блевотиной. На следующей остановке пора выходить. Он выбегает из вагона.

Насколько ему известно, никто, кроме него, не оставляет надписей на алкашах.

В три утра на станции «Гаррисон-стрит» ни души. Сюрприз. Стекло входной двери заменили промышленным пластиком, который пока на месте. Но одна створка приоткрыта из-за сломанного доводчика. Какой-то разозлившийся пассажир опять вырвал трубку таксофона. Бонер решает не проверять, нет ли мелочи в автомате. Зачем? У него при себе пять сотен наличкой, новенькими пятидесятидолларовыми банкнотами.

Этой ночью никто не ночует под крышей станции. Трупов тоже нет.

Бонер вдыхает остатки жизни из своей трубки и прячет ее. Тепло просачивается сквозь ткань кармана. Он хранит трубку в левом кармане джинсового жилета. В правом лежит мексиканский выкидной нож. В его белой костяной рукоятке спрятан семидюймовый вампирский клык, заточенный с двух краев. В нагрудном кармане лежит серебряный маркер и зажигалка Zippo. На поясе — несколько десятков ключей на цепочке и ремешок, к которому прикреплен бумажник на молнии с логотипом Harley Davidson. Сзади, за поясом, под слоями одежды, покоится большой армейский нож. Где-то в недрах кожаной куртки — моток колючей проволоки с ручками-кольцами на концах. Он продел дырку своих зеркальных темных очков в прорезь для пуговицы. Металла на Бонере хватит, чтобы дважды свести с ума детектор в аэропорту.

Кроме пяти сотен баксов шальных денег, в байкерском бумажнике Бонера можно найти идеальную подделку удостоверения личности жителя штата Иллинойс, три адвокатские визитки (на всякий пожарный); кредитку American Express, выданную боссом, а также несколько поляроидных снимков. Вот Синдер сверху на Бонере, фокус смазан. Вот она раздвигает ноги прямо перед объективом. Вот она с бутылкой во влагалище, трахает смесь бухла с кодеином — напиток, сделавший ее такой фотогеничной...

Стоп-кадр: Бонер в одиночестве пробирается сквозь четырехфутовые сугробы к зданию на Гаррисон-стрит. Конец веселью. Он устал и хочет ссать.

Его дом — старинное четырехэтажное здание из красного кирпича, замаранное перхотью грязного

снега. Толстые сталактиты мутного льда свешиваются с косяка восточной входной двери. Тень над ней скрывает гранитную табличку с названием: КЕНИЛВОРТ АРМС.

Бонер не возится с ключами. Восточная дверь обычно не заперта. Вот это безопасность. Холл здания ничем не отличается от улицы — так же грязно и холодно. Он замечает кусочки клейкой ленты с выдавленными именами на ячейках раздолбанных почтовых ящиков. Его имени там нет. Он проверяет почту.

На лестнице, ведущей вверх, пузырятся заплаты плесневелого ковролина пыльно-серого цвета. На второй и третьей ступеньке расплзлось темное влажное пятно. Похоже на кровь. Ботинки Бонера оставляют вереницу следов до площадки второго этажа.

За ним по пятам через приоткрытую восточную дверь врывается ветер вперемешку с мокрым снегом, издавая стремный стон, который обычно раздается в ночные часы. Перекрытия старого здания скрипят от порывов ветра. Бонеру кажется, что он находится внутри парализованного умирающего динозавра. В квитанциях на арендную плату здание больше не называется «Кенилворт Армс». Задолго до того, как сюда заселился Бонер, дом выкупил корпоративный риелтор. Сейчас здесь всем заправляет грязный иностранец. На двери в его подвальный закуток висит табличка: «МЕНЕДЖЕР ЗДАНИЯ». Когда-нибудь владелец продаст дом или снесет его, освободив место для новой застройки. А до тех пор дух старого Кенилворт Армс будет сочиться сквозь щели. Бонеру это нравится. Он испытывает братские чувства ко всему, что выживает на задворках цивилизации.

Он слышит звук капающей воды.

Лифт в Кенилворте вызывает клаустрофобию и чувство опасности. Несколько недель назад он застрял на втором этаже, воняет лизолом и кошачьей мочой. Отсюда приходится топать пешком. Лестница, казалось, была спланирована не для этого здания. Чужеродная, слишком узкая, с острыми углами. Бонер достает до стен с обеих сторон лестничного пролета. Толстяк здесь застрял бы. Дешевая краска на стенах почернела от постоянных прикосновений.

В конце коридора второго этажа Бонер видит приоткрытую щель дверей лифта. Лампочка в сорок ватт внутри перегорела или, что вероятнее, кем-то разбита. Кроме запаха мочи, в воздухе витает густое зловоние жареной еды. Плюс аромат грязных носков, напоминающий Бонеру о тюрьме.

Еще один узкий лестничный пролет — и Бонер добирается до верхнего, третьего этажа. Технически подвальный этаж можно назвать первым, но это не отразилось на нумерации квартир.

В коридоре третьего этажа, напротив приоткрытой двери лифта, стоит столик с консервной банкой, где пылится букетик искусственных цветов. Над ним висит овальное зеркало, которое чудом никто не разбил. Деревянный пол кричит, будто старик с недержанием. Телевизор бормочет без умолку, рекламируя салон по продаже подержанных машин.

Одна из желтых лампочек посреди коридора не работает. Бонер проходит сквозь тьму и поворачивает направо, мимо встроенных в стену дверей холодильников. Большинство дверей заколочено, но некоторые по-прежнему открываются. Они понадобились,

чтобы доставщик льда не портил линолеум новеньких кухонь своим товаром.

Теперь двери холодильников не нужны. Больше никто не укладывает линолеум на пол.

Кенилворт Армс часто перестраивали, и теперь расположение комнат сильно отличается от оригинальной планировки. Сегодня это запутанный лабиринт из так называемых студий и однокомнатных квартир, испещренный заколоченными дверьми; окнами, забитыми фанерой или заложенными кирпичами, и стенами, расположенными под немыслимыми углами в неожиданных местах. Чтобы попасть в квартиру 307, Бонеру нужно отпереть две двери. Первая сделана из тонкого мазонита и на несколько десятков лет новее, чем винтажные панельные двери на входе в здание. За ней находится бывший общий коридор большой двухкомнатной квартиры. Когда дверь открыта, она полностью перекрывает узкий проход. Бонеру приходится проявить чудеса ловкости, чтобы закрыть ее за собой. Следующая закрыта на дешевую ручку-защелку — чисто для показухи. Бонер может открыть ее с помощью расчески. За дальней дверью живет пухлая жилистая женщина, которая держит кошек и работает телефонисткой на полставки. Бонер так думает. Он никогда не удосуживался спросить. Ради чего? Для большинства жильцов этот дом — перевалочный пункт. Отсюда либо переезжают в районы побогаче, либо оказываются в мрачном забвении.

Соседке Бонера досталась половина оригинальной квартиры, с кухней. Ему же — другая половина, с ванной комнатой.

Можно сказать, что повезло. Страшно представить, что она использует в качестве ванной. А Бонер, в

свою очередь, не любит готовить. Вместо кухни у него есть дополнительный шкаф. Судя по высоким угловым окнам, выходящим на перекресток Гаррисон и Кентмор, ему также досталась комната, которая раньше была гостиной.

Бонер открывает дверь в свою квартиру, прилагая усилие. Она сегодня невероятно тугая, словно дверная рама уменьшилась на дюйм со всех сторон.

В квартире настенный выключатель издает лишь щелчок. И еще щелчок. Фергус, менеджер здания, опять дурью мается и включил слишком много электроприборов. Распределительный щиток — в подвальном коридоре, рядом с прачечной. Электричество вырубает слишком часто, и чаша терпения Бонера переполнилась. Но прежде чем разобраться с этим, он должен отлить. Бонер считает, что из-за наркоты размер его мочевого пузыря уменьшился до пачки из-под сигарет.

В квартире воняет. Аммиаком, или тухлым бургером, или канализацией. Супер. Если канализационные трубы замерзли, то их придется разморозить с помощью огня. Если проблемы с водопроводом и электричеством связаны... ну, может, все здесь взлетит на воздух к завтрашнему утру. Пожар наверняка подпалит всем жильцам задницы.

Аквамариновые глаза Бонера привыкают к темноте, пока он двигается вглубь квартиры. На противоположной стене он видит белые матовые прямоугольники штор, подсвеченные люминесцентной комбинацией уличных фонарей и снега. Бонер может различить в темноте очертания кровати, шкафа, бумбокса и даже маленького электрообогревателя, подключенного к временно бесполезной розетке.

Ванная комната освещена серебром рассеянного света. Бонер знает, что окно рядом с ванной не открывается во внешний мир. Свет, который он видит, похож на след от выключенной электрической лампы, остающийся на сетчатке глаза, но слабый и холодный. Есть в нем что-то органическое, напоминающее тускнеющих мертвых светлячков или призраков.

Мочевой пузырь Бонера умоляет об облегчении. Он отодвигает душевую занавеску и расчехляет свой прибор. Решает нассать в ванную, чтобы не промазать мимо унитаза в темноте. Он смотрит вниз и не может различить струю мочи.

Ванная наполнена тьмой, словно черной водой. Интересно, это она так воняет? Ему кажется, что в ванной свернулась огромная какашка, от нестерпимой вони которой запотевают окна. И чего она ждет? Может, чтобы ее сфотографировали? Бонер вспоминает о своих поляроидных снимках.

У него вырывается смешок. Не успевает он утихнуть, как тьма в ванной приходит в молниеносное движение. Что-то откусывает и проглатывает палец Бонера и головку его члена.

Бонер падает на спину, струя мочи пульсирует вперемишку с кровью, ноги путаются в штанинах спущенных джинсов. На него накатывает острая боль. Он пытается ухватиться за что-нибудь рукой, но его конечность схвачена овальным ртом размером с мяч для американского футбола. Клыки, острые как иголки, скользят по связкам его запястья, перемалывая тонкие кости. За руку его притягивает к ванной, цепи на жилетке звенят, а кровь стекает вниз по рукаву куртки. Он не видит крови, но чувствует ее. Кажется, будто в член загнали нож для колки льда. Больше крови.